

МЕТАФОРА В НАУКЕ И ЯЗЫКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Г.Т. Мирзоева

Азербайджанский университет языков,
AZ 1055. Баку. Азербайджан. Ул. Р. Бехбудова, 60.

В настоящей статье поставлена конкретная цель: на основе некоторого количества отобранных автором иллюстративных примеров проследить за функционированием метафорических высказываний в науке и языке художественной литературы. С учётом имеющегося критического материала по настоящей проблеме (работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона, Л.В. Кульчицкой, Н.Д. Арутюновой, В.Н. Телия, Е.О. Опариной, О.Ю. Буйновой и некоторых других) автор статьи показывает, что метафора, как правило, выполняет очень важную роль, порою связующую функцию перехода от известных фактов – к неизвестным.

В первой части настоящей статьи показано огромное значение работы Д. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живём». Установлено многими исследователями, что именно в ней впервые в западноевропейской лингвистике отмечена роль метафоры в любом языке как своеобразного «когнитивного инструментария для распознавания абстрактных понятий и абстрактного мышления». Автор данной статьи отталкивался от центральных положений этой работы, так как в ней, по признанию языковедов, осуществлён подлинно революционный прорыв в области установления целого ряда функций концептуальной метафоры.

Однако, несмотря на тот факт, что метафора актуализирует языковую, культурную, литературную и даже психологическую среду, в русской и европейской когнитивной лингвистике обнаружилось большое разногласие в терминах. Дифференцировать и частично унифицировать терминологию, связанную с метафоризацией в целом, стало одной из задач первой части представленной статьи.

Во второй части работы функции метафоры разделены на две части: метафора в языке науки отражает особенности мышления человека, соответственно порождая определённые суждения и умозаключения. Метафора в языке художественной литературы используется для создания образа, чаще связанного с оценочно-экспрессивным значением. Приведены соответствующие примеры, фактически доказывающие, что эти функции разные. Вместе с тем между ними можно обнаружить и некоторые общие точки соприкосновения. В том и другом случаях было указано на характерные особенности первичных и вторичных значений строения метафоры.

Ключевые слова: когнитивистика, метафора, дискурс, текст, ассоциации, семантика, семиотика.

На заре когнитивной лингвистики метафору считали сугубо языковым явлением. Лингвисты в основном приписывали ей функции определённого стилистического приёма, фигуры речи. В дальнейшем в область когнитивной лингвистики стали включать метафору, которая функционирует

не только в языке, но по природе своей должна быть органично включена также и в концептуальную сферу. Правомерность поставленной в нашей статье цели обеспечивается теоретическим положением, согласно которому метафора, с одной стороны, определяет научное познание, с другой – находит своё выражение в

речи, следовательно, и в языке художественной литературы.

Важным теоретическим подспорьем стали статьи таких русских учёных, как С.С. Гусев, Н.С. Валгина, Н.К. Рябцева, Л.В. Кульчицкая, В.Н. Телия, Н.Д. Арутюнова и других. Особо отметим статью Д. Лакоффа и М. Джонсона, в которой впервые глубоко и основательно рассмотрены многие проблемы, связанные с метафоризацией. Нами также приведены примеры из работ европейских лингвистов М. Блэка, Х. Блейра, М. Гессе, Л. Ричардса и других (Полный список трудов приведён в конце статьи).

Огромная роль метафоры в мышлении и даже поведении человека в начале 1980-х годов глубоко проанализирована в работе Д. Лакоффа (D. Laskoff) и М. Джонсона (M. Johnson) «Метафоры, которыми мы живём». Исследователи указывали, что метафора – это своеобразный «когнитивный инструмент для распознавания абстрактных понятий и абстрактного мышления» [11, с. 244]. Показательно для теоретических суждений, которые последуют в настоящей статье ниже, что в работах американских учёных чаще анализируется именно концептуальная метафора.

Д. Лакофф и М. Джонсон, безусловно, осуществили революционный прорыв в области установления функций концептуальной метафоры. Они включили данный тип во все сферы мироздания (отсюда и название раздела «Мир понятий, окружающий нас»), сделав важный и актуальный в наши дни вывод, что метафоры охватывают языковую, культурную, литературную, психологическую среду, также «характеризуют терминологию современного индустриального общества» [11, с. 391].

Но вслед за названной работой последовало существенное разногласие в терминах. Так, один из ярких представителей американской структурной лингвистики Н. Хомский и его коллеги-единомышленники предложили двухступенчатую модель метафоры, суть которой заключалась в том, что на первой стадии в когнитивной лингвистике метафора отражает мышление, а на второй – находит своё применение в практической деятельности. Сеем предположить, что метафора имеет две функции. Первая используется в языке науки, вторая – в тексте художественных произведений. Категория мышления соответствует научным параметрам, а практическая деятельность, на наш взгляд, сопоставима с созданием художественных образов.

Например, когнитивная метафора «острая нужда» чаще употребляется в публицистическом тексте для выражения социальных мотивов или при постановке демографической проблемы. Реже она используется в науке и социологии. В то же время когнитивная метафора со словом «острый» может выступать одним из функциональных типов образной метафоры. Сравним: «Если когда-нибудь тебе понадобится *острое слово*, то знай, Маугли, что Джунгли – всегда твои» [Р. Киплинг. «Маугли»].

После работы Д. Лакоффа и М. Джонсона в русском языкознании появилось большое количество трудов, посвящённых метафоре в целом. Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, Е.О. Опарина, О.Ю. Буйнова и другие доказали, что метафора в научном дискурсе прежде всего порождена когнитивной способностью людей анализировать свойства объектов, осмысливать их, дифференцировать и унифицировать. В науке метафора выделяет главное, сосредотачивая свои усилия на более экономных способах их языкового оформления. В свою очередь в языке художественной литературы она становится и предметом индивидуальной, то есть авторской интерпретации, позволяющей интуитивно воспринимать «вещный» мир с его материальными объектами. Но в том и другом случаях метафора объективно охватывает очень широкий спектр научных дисциплин и разные области человеческого бытия.

Вместе с тем в статьях и монографиях перечисленных русских учёных в связи с разграничением понятий когнитивной и концептуальной метафоры появились заметные разногласия и противоречия в терминологии. Так, Л.В. Кульчицкая в одной из своих статей зафиксировала, что в современном языкознании «складывается ситуация, когда факт называния метафоры когнитивной или концептуальной служит поводом причислить этот термин к сторонникам когнитивного направления» [10, с. 3]. Но, оказывается, что это не аксиоматическое заявление. Некоторые учёные, работы которых выполнены в границах когнитивной парадигмы, ставят его под сомнение или вовсе опровергают. Например, В.Н. Телия выделяет несколько типов метафор (индикативные, оценочные, концептуальные, эмотивные) в науке и речи, но при этом отождествляет когнитивную метафору с концептуальной [16, с. 42].

Но если В.Н. Телия в основном фиксирует внимание на наименовании признака, то Н.Д. Арутюнова конкретизирует: «Метафора –

это орудие не только наименования признака, но и само его выделение. Метафора, утверждает она, создаёт значение и даёт ему имя» [2, с. 336]. И это при том условии, что оба исследователя односторонне рассматривают когнитивную метафору как языковую.

Однако метафора в языке науки всё же имеет ряд специфических особенностей. Логика переносных значений основана на метонимических, количественных и функциональных связях. Например, между материалом и вещью, из которого изготовлена, причиной и следствием, действием и результатом, учреждением и его сотрудниками, аудиторией и студентами наблюдается естественная и закономерная связь. Однако логика метафорического переноса носит свободный характер, точнее, символический, а не реальный.

В современном языкознании хорошо известен ряд исследований, в которых приводится хрестоматийная формулировка: «Перенос наименования на основе сходства называется метафорой» [17, с. 93]. Однако сходство одних предметов (объектов) осуществляется на основе различных признаков в зависимости от характера или направленности действия. Например, метафоры в языке науки чаще сходны по внешнему признаку с формой объекта. Отсюда перенос с крыла птицы на *крыло самолета*, иглы для шитья на *иглолки ели*. По аналогии с супплетивной формой образования в медицине употребляется выражение «глазное яблоко». Оно же *отличается* цветом: *белок глаза*. В языке науки метафоры сходны по внешнему признаку с характером движения объекта: *гусеница танка* или же его функцией (*дворник – устройство на лобовом стекле автомашины*) и т.д.

Напротив, метафоры в языке художественной литературы чаще сходны по внутреннему признаку с формой объекта. Т.И. Вендина указывает, что в языке науки (официальные документы, протоколы, справки, доклады, медицинские диагнозы и прочее) практически невозможно встретить такие метафоры, как *червь сомнения*, потому что «они используются при наименовании абстрактных понятий» [6, с. 96]. В языке художественной литературы значительно чаще наблюдаются переносы наименования признака по аналогии с ощущениями, а также при помощи сходства оценок. Н.В. Валгина приводит характерный пример: *тёплое течение – принять тёплое участие при встрече* [5, с. 334]. Л.А. Новиков полагает, что наиболее приемлемым является «сходство в способах представления

определённых действий: *охватила радость*» [12, с. 86]. Можно было бы добавить, что писателей при использовании метафор такого рода, скорее, интересует степень представления действия. Дифференцируя отдельные признаки метафор, можно аккумулировать их в определённую модель в зависимости от выражаемой ими семантики.

В языке науки чаще всего происходит столкновение не тождественных друг другу семантических пластов. Они порождают, как правило, не ассоциативный образ. Ещё в XIX веке такие видные лингвисты, как А.Х. Сейс (А.Н. Sayes), Макс Мюллер (М. Muller) и некоторые другие считали, что «язык в целом метафоричен» [20, с.204]. Учёные указывали, что метафора почти всегда неоднозначна в своём восприятии, следовательно, слабо совместима с коммуникативной целью речепорождения. Очевидно не только для узкого круга специалистов, но и рядовых читателей отмечая, что большая часть слов любого языка прошла длительную стадию метафорического переноса разных по сходству значений. Но этот процесс в языке науки и художественной литературы был неодинаков.

Язык науки – это особая семиотическая система. Речь в науке должна идти не о механическом переносе метафорических признаков, пересекающихся по линии «от объекта – к объекту», «от предмета – к предмету», а об особом подборе наиболее точного термина, который стал бы своего рода заместителем образа. Кожица, рассуждая от обратного, удачно, на наш взгляд, подметила: «Из истории научных стилей известно, что сама по себе образность нередко рождается в те моменты, когда ещё не найдены точные наименования термина» [9, с. 208]. Например, Голуб пишет о возможностях применения в языке науки, точнее, политических документах, таких метафор, как *«погасить очаг войны, подлить масла в огонь»* [7, с. 133]. Но и такие примеры единичны.

Так, Ф. Соссюр, Ю.А. Потебня, М. Мюллер и некоторые другие видные лингвисты прошлого отказывались от идеи построения собственной лингвистической теории, содержащей метафору. Например, Х. Блэр писал: «Метафора – это фигура, всецело базирующаяся на сходстве одного объекта с другим. Поэтому она родственна поэтическому сравнению» [19, с. 295]. Такое сравнение не выдерживает строгой критики. Тонко по поводу такого искусственного сопоставления высказался лингвист Л. Ричарс: «... такого рода

уподоблениями одного явления другому в метафорическом аспекте легко превратить поэзию в безукоризненную прозу» [21, с. 19]. Продолжим мысль учёного: таким путём метафору можно использовать в языке науки и в художественной литературе. Однако функции метафор в этих случаях разные.

Чтобы уйти от строго научного дискурса, другой языковед П. Уилрайт предложил в художественном тексте различать два вида метафор: «эпифору» и «диафору». Под первым исследователем имел в виду традиционное понимание метафоры, под вторым её усложнение в форме «символического соположения дискретных образов, которые сами по себе не должны быть «эпифорами» [21, с. 90]. Видимо, понимая нечёткость такого подразделения, П. Уилрайт прокомментировал: «Эпифора – это ощущаемая таинственная способность обозначать нечто большее, чем реальное выражение словами» [22, с. 91].

Но как же измерить степень этого «означающего коэффициента»? Где критерии «большого» и «меньшего»? П. Уилрайт по существу не отвечает на этот вопрос. И в «таинственной способности» метафоры означать «нечто большее» (а по-нашему представлению – эфемерное) учёный всё более запутывается. Прав Д. Бикертон, который подчёркивал: «Практически все лингвистические подходы, скорее, затемняют, чем проясняют суть вопроса о метафоризации, и неудачи большинства современных учёных объясняются именно не лингвистичностью их воззрений, некоторыми отходами от строго научного дискурса» [3, с. 286]. Обобщение, сделанное названным языковедом, позволяет нам говорить о различных функциях метафоры в языке науки и литературы.

С целью доказательства приведём примеры с использованием языковой антиномии «жилище животного» – «жилище человека». Объединим эти понятия в более общую метафорическую модель: «предмет – предмет» (или «Субъект – субъект»). В первом случае перед нами модель с неодушевлённым лицом, во втором – с одушевлённым, но существа дела это не меняет. Первое означает, что в русском языке название жилищ животных непосредственно переносится на жилище людей. Во втором – с предмета на предмет. Дифференциальные признаки первой модели отличны друг от друга: «собачья конура» означает тесноту людского жилья. По логике второй модели, называя дом человека «свинарником», мы имеем в виду «грязь» в жилье (или как про-

изводное – «нечистоплотность хозяина»). Так что метафоры, строящиеся по внешне схожим моделям, объективно базируются на совершенно разных признаках. Точнее, их объединяет не конкретно-логический, но ассоциативный признак, служащий главным основанием художественной метафоризации. В вышеприведённых нами метафорах символический перенос является именно ассоциативными признаками «тесноты», с одной стороны, «грязи» – с другой.

Метафора способна функционировать в качестве литературной, приобретая такие лексикологические черты, которые становятся носителями новой и важной информации. В качестве примера М. Блэк (M. Black) приводит метафорическое высказывание «Человек – волк» которое, по его мнению, «выражает некую новую информацию о первом субъекте («человек»), одновременно с тем предлагая на рассмотрение всё новые и специфические характеристики второго субъекта, (то есть «волк»)» [18, с. 39].

В самом деле, в «Божественной комедии» Данте очень много такого рода метафор. Например, когда автору и его проводнику по лесу Вергилию дорогу преграждают три зверя (лев, волк и пантера), то каждый из них образует собственную лексическую метафору: лев выступает как символ гордости, волчица – алчности, а пантера – сладострастия. Но это только авторское мировидение, в котором метафоры олицетворяют людские пороки. Словно подтверждая эти слова, М.П. Алексеев в учебном пособии «Литература эпохи Средних веков и эпохи Возрождения» фиксирует: «Долгие годы жизни Данте провёл в изгнании, скитаясь из города в город, и никогда более не увидел дорогой его сердцу Флоренции – «прекрасной овчарни, где спал ягнёнком» [1, с. 211]. Совершенно очевидно, что под метафорой нельзя в буквальном смысле понимать «овчарню» как место обитания поэта. А под ягнёнком – образец трусости или жалости. Это типично лексическая метафора, которая соединяет в себе символическое обозначение животных или жилища как среду обитания в нём конкретного животного с субъективным мнением автора.

В языке науки, как правило, наблюдается противоположная картина. Здесь метафоре не придаётся сугубо субъективный смысл. Права Н.К. Рябцева, подчёркивающая, что «в научном дискурсе метафора являет собой активный, творчески-когнитивный процесс установления сходства между различными концептуальными понятиями в тех же самых концептуальных об-

ластях» [14, с. 322]. В то же время функционирование метафоры в художественной литературе предполагает сходство не между концептуальными сферами, а сопряжение авторской мысли с её последующим вхождением в ассоциативный ряд тождественных образов. Некоторые такие метафоры входят в состав так называемых «бродячих сюжетов».

Важно помнить, что семантическая организация художественного текста, в состав которого входит метафора, глубоко и основательно может раскрыться, пожалуй, только достаточно компетентному в литературе читателю. Как правило, метафора здесь служит сигналом к правильному «прочтению» культурологической информации. И это верное «считывание» информации находится в прямой связи не столько с функциональной значимостью метафорического высказывания и её скрытого смысла, как в языке науки (вот здесь применима формула П. Уилрайта о «внутренней таинственной способности» метафоры), сколько о компетенции читателя, умеющего как бы упреждать авторскую мысль.

Поясним на примерах. «Но теперь чабаны забились в свои гомеровские хижины вместе с овцами и козами. – Кто же услышит меня? [4, с. 50]. Метафорой в этом предложении является определение «гомеровский». Структура этой метафоры определяет семантическую организацию текста. Прежде всего укажем, что она связана с большим объёмом фоновой и культурологической информации. Основное номинативное значение интересующей нас лексемы должно определяться значениями «относящийся к Гомеру», «принадлежащий Гомеру». Но совершенно ясно, что у Бунина реализуется иное значение. Речь идёт о жилищах, описание которых дано Гомером и встречается в его поэмах «Илиада» и «Одиссея». Само же слово «гомеровский» не столько реализует собственно лексическое значение, сколько актуализирует картину античного мира, сумму аллюзий на подсознательном уровне. Фактически, в отличие от языка науки, в котором на первое место выдвигается конкретная концептуальная сфера, здесь (хотя, конечно, и на очень малом языковом пространстве) дана система субъективных представлений русского писателя. А шире – знаний европейцев об античности в целом. Именно в силу последнего положения в сознании читателя оживляется весь гомеровский контекст.

В художественной литературе метафора обладает высокой степенью экспрессии и дина-

мики. «Когда я пытаюсь разглядеть то, что меня окружает, то вижу я бегущую седую мглу, которая слепит снегом» [4, с. 168]. В этом предложении три выделенных слова создают особую экспрессию и динамику. Слово «седой» в словаре Ожегова дано в следующих значениях: 1. Белый вследствие потери окраски (о волосах); 2. Переносное: Белесый. То есть, тускло-серый. Туман или седая пена в море. 3. Переносное: Очень далёкий, давний. Седая старина [13, с. 707].

В бунинском тексте даже в переносном значении лексема «седой» реализует функцию цветообозначения (тускло-серый). Но важно подчеркнуть, что метафора здесь детерминирована не только в рамках приведённого предложения, но и художественного текста вообще, то есть в языковом окружении. Особенность семантической организации текста даёт возможность понять, что рассматриваемое нами выше определение «гомеровский» тоже на ассоциативно-образном уровне тесно связано с лексемой «седой». Иными словами, экспрессивность текста ориентирует на изображение картины природы, сочетающейся с соответствующим тем далёким временам состоянием людей.

Иная картина складывается в тех случаях, когда учёные обосновывают необходимость использования метафор в языке науки. Как правило, они сталкиваются с «неполной стыковкой» отдельных звеньев в предложении. В таких случаях, как пишет Ю.В. Скачков, «в целях согласования различных языковых слоёв возникает потребность в применении особых средств, играющих роль промежуточных звеньев, «мостиков» [15, с. 47]. Эти средства в языке науки представляют собой большой комплекс понятий. А к важным языковым формам, которые могут эксплицитно представить его, относится именно метафора. Во-первых, она может отобразить те или иные вводимые в текст понятия такими отношениями, как «сходство/различие». Во-вторых, в отличие от лексикологического функционирования в художественном тексте, метафора подчёркивает условность и неполноту отождествления сопоставляемых объектов. Здесь уже нет ясного перехода от одного предмета к другому, как мы это показали на ранее приводимых примерах. Метафора в языке науки словно упреждает контекст, в котором, как указывает С.С. Гусев, «основным становится не столько возможность переноса необходимой информации с ранее освоенной предметной области на сферу неизвестного. В то же время про-

исходит фиксация характерологических особенностей взаимодействия разных способов двух или нескольких сопоставляемых объектов» [8, с. 49]. Всё отмеченное свидетельствует о том, что метафоры в языке науки и художественной литературе имеют ряд отличительных особенностей.

Список литературы

1. Алексеев М.П. История зарубежной литературы Средних веков и эпохи Возрождения. М.: Просвещение, 1978, 565 с.
2. Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия АН СССР. Серия «Литература и языкознание», 1978, Т. 37, с. 333-343.
3. Бикертон Д. Введение в лингвистическую теорию метафоры // М.: Прогресс, 1990, с. 284-306.
4. Бунин И.А. Собр. соч. в 4-х томах. Т. 1. М.: Правда, 1988, 478 с.
5. Валгина Н.С. Современный русский язык. М.: Высшая школа, 2001, 415 с.
6. Вендина Т.И. Введение в языкознание. Учебное пособие для педагогических вузов. М.: «Высшая школа», 2002, 288 с.
7. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. 4-е издание. Дополненное и переработанное М.: Айрис – пресс, 2003, 448 с.
8. Гусев С.С. Наука и метафора. Л.: ЛГУ, 1984, 151 с.
9. Кожина Н.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка – М.: Флинта: Наука, 696 с.
10. Кульчицкая Л.В. Понятия «когнитивная» и «концептуальная» метафора в отечественной лингвистике раннекогнитивного периода // file:///D:/Documents%20and%20Settings/Admin/My%20Documents/Downloads/ponyatiya-kognitivnaya-i-kontseptualnaya-metaphora-v-otechestvennoy-lingvistike-rannekognitivnogo-perioda%20(1).pdf
11. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. В кн.: Теория метафоры. М.: Прогресс. 1990, с. 387-415.
12. Новиков Л.А. Современный русский язык. М.: Лань, 2003, 286 с.
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990, 917 с.
14. Рябцева Н.К. Метонимия и метафора как явления концептуального плана. В кн.: Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка. М.: Издательство «Индрик», 2005, с. 319-334.
15. Скачков Ю.В. Вероятность и детерминизм // Философские науки, 1972, № 1, с. 44-49.
16. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988, с. 26-52.
17. Шмелёв Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977, 335 с.
18. Black M. Models and metaphors. New-York, 1962, 197 p.
19. Bleir H. Lectures on Rhetoric and Belles Letters. London, LTD, 1983, 347 p.
20. Hesse M. Review of Turbayne. 1962 – Foundation of Language, 1966, № 3, 299 p.
21. Richards L.A. Principles of literary criticism. London: Paul Industry, 1924, 261 p.
22. Wheelwright P. Metaphor and reality. London: Plomington LTD, 1962, 221 p.

Сведения об авторе:

Мирзоева Гюнай Тельман гызы – аспирант Азербайджанского университета языков (Азербайджан, Баку).
E-mail: gmor68@inbox.ru.

METAPHOR IN THE LANGUAGE OF SCIENCE AND IN FICTION

G.T. Mirzoeva

Azerbaijan University of Languages
60, R. Bekhbudova str., Baku, Azerbaijan, 1055 AZ

The Abstract: *The article sets a specific goal: on the basis of a certain number of illustrative examples selected by the author, to trace the development of metaphorical utterances in the language of science and in the language of fiction. Taking into account the available critical material on the present problem (the works by G. Lakoff and M. Johnson, L. V. Kulchitskaya, N. D. Arutiunova, V. N. Telia, E. O. Oparina, O. Yu. Buynova and some others) the author of the article shows that metaphor, as a rule, performs the generalizing function of the transition from known facts to the unknown.*

However, metaphor in the language of science reflects the level of intellectuality of an individual, generating certain judgments and conclusions accordingly. In the language of fiction, metaphor serves to create an image with an evaluative and expressive meaning. In both cases, the characteristic features of metaphor were pointed out in the article. However, in the process of comparing different objects, it has been found that in the language of fiction metaphor does not fix relations relying on the principle of "similarity and difference". Most often, metaphor has a culturological character, thereby vividly emphasizing the conventionality and incompleteness of the identification of the objects to be compared.

Key Words: *cognitive linguistics, lexical metaphor, scientific discourse, linguistic text, associative signs, metaphorical transfer, semantic structure, semiotic system.*

References

1. Alekseev M.P. Istoriiia zarubezhnoy literatury Srednikh vekov i epokhi Vozrozhdeniia [The history of foreign literature of the Middle Ages and the Renaissance]. M.: Prosveshchenie, 1978, 565 p (in Russian).
2. Arutiunova N.D. Funktsionalnye tipy iazykovoy metafory [Functional types of language metaphor] // Izvestiia AN SSSR. Seriiia «Literatura i iazykoznanie, 1978, T. 37, s. 333-343 (in Russian).
3. Bikerton D. Vvedenie v lingvisticheskuiu teoriiu metafory [Introduction to the linguistic theory of metaphor] // M.: Progress, 1990, pp. 284-306 (in Russian).
4. Bunin I.A. Sobr. soch. v 4-h tomakh [Coll. work. in 4 volumes]. T. 1. M: Pravda, 1988, 478 p (in Russian).
5. Valgina N.S. Sovremenny russkii iazyk [Modern Russian language]. M.: Vysshaia shkola, 2001, 415 s (in Russian).
6. Vendina T.I. Vvedenie v iazykoznanie [Introduction to linguistics]. Uchebnoe posobie dlia pedagogicheskikh vuzov. M.: «Vysshaya shkola», 2002, 288 s (in Russian).
7. Golub I.B. Stilistika russkogo iazyka [Stylistics of the Russian language]. 4-e izdanie. Dopolnennoe i pererabotannoe M.: Ayris – press, 2003, 448 s (in Russian).
8. Gusev S.S. Nauka i metafora [Science and metaphor]. L.: LGU, 1984, 151 p (in Russian).
9. Kozhina N.N. Stilistichesky entsiklopedicheskiy slovar russkogo iazyka [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. M.: Flinta: Nauka, 696 s (in Russian).
10. Kulchitskaya L.V. Poniatiiia "kognitivnaia" i "kontseptualnaia" metafora v otechestvennoy lingvistike rannekognitivnogo perioda [The concepts of "cognitive" and "conceptual" metaphor in the domestic linguistics of the early cognitive period] (in Russian) // file:///D:/Documents%20and%20Settings/Admin/My%20Documents/Downloads/ponyatiya-kognitivnaya-i-kontseptualnaya-metafora-v-otchestvennoy-lingvistike-rannekognitivnogo-perioda%20(1).pdf
11. Lakoff D., Dzhonson M. Metafor, kotorymi my zhivom. V kn.: Teoriia metafory [The metaphors that we live in. In: Theory of Metaphors]. M.: Progress. 1990, pp. 387-415 (in Russian).
12. Novikov L.A. Sovremenny russkiy iazyk [Modern Russian language]. M.: Lan, 2003, 286 s.
13. Ozhegov S.I. Slovar russkogo iazyka [Dictionary of Russian]. M.: Russkiy iazyk, 1990, 917 p (in Russian).
14. Riabtseva N.K. Metonimiia i metafora kak iavleniia kontseptualnogo plana. V kn.: Logicheskiy analiz iazyka. Kvantifikativny aspekt iazyka [Metonymy and metaphor as a phenomenon of a conceptual plan. In: Logical analysis of the language. Quantitative aspect of the language]. M.: Izdatelstvo «Indrik», 2005, pp. 319-334 (in Russian).
15. Skachkov Yu.V. Veroiatnost i determinizm [Probability and determinism] // Filosofskie nauki, 1972, # 1, pp. 44-49 (in Russian).
16. Teliia V.N. Metafora kak model smysloproizvodstva i ee ekspressivno-otsenochnaia funktsiia [Metaphor as a model of sense production and its expressive-valued function] // Metafora v iazyke i tekste. M.: Nauka, 1988, s. 26-52.
17. Shmeliov D.N. Sovremenny russkiy iazyk. Leksika [The modern Russian language. Vocabulary]. M.: Prosveshchenie, 1977, 335 p. (in Russian).
18. Black M. Models and metaphors. New-York, 1962, 197 p (in English).
19. Blair H. Lectures on Rhetoric and Belles Letters. London, LTD, 1983, 347 p (in English).
20. Hesse M. Review of Turbayne. 1962 – Foundation of Language, 1966, № 3, 299 p (in English).
21. Richards L.A. Principles of literary criticism. London: Paul Industry, 1924, 261 p (in English).
22. Wheelwright P. Metaphor and reality. London: Plomington LTD, 1962, 221 p (in English).

About the author:

Mirzayeva Gunay Telman – graduate student, Azerbaijan University of Languages. E-mail: gmor68@inbox.ru.

★ ★ ★